

- А старостой, готов поспорить, была девушкой, — попивая зеленый чай, утвердительно сказал Поэт.

Я кивнул.

— Может, в этого Миура-сэнсэя кто-то вселился? Некая сущность, ненавидящая всех женщин? — предположил Сато-сан, не отрываясь от просмотра «Изгоняющего дьявола» по видеомагнитофону.

— Я тоже так считаю, — поддержала его периодически повизгивающая от страшных эпизодов фильма привидение Марико-сан.

— Значит, я не один так думаю!

Миура явно был чем-то одержим. Но, как назло, рядом нет никого из специалистов, кто мог бы это подтвердить. Рю-сан и Букинист опять отправились куда-то по своим делам, Акинэ-тян... куда, она сказала, уехала? На выездную практику? В общем, на что-то вроде экскурсии с ночевкой, в общежитии ее сейчас нет. И, почему-то, ни у кого из них при себе нет такой штуки, как мобильный телефон.

— У Рю-сана и Букиниста они наверняка есть, учитывая род их занятий.

— Хотя я ни разу не видел, чтобы они ими пользовались в личных целях.

— Ну, я по мобильному тоже только на работе говорю.

Но почему, спрашивается, никто здесь не знает номера их телефонов? А потому что «какой смысл, если они часто оказываются там, где сеть не ловит»? Стоит признать, подобная беспечность вполне в духе обитателей особняка.

Единственный, с кем я мог связаться по телефону, был Художник, но...

— Так и представляю, как ты его спрашиваешь, что он думает насчет этой истории, — расхохотался Поэт.

Да уж. Рывкнет что-нибудь вроде: «Понятия не имею», и весь разговор. С другой стороны, у меня ведь тоже мобильного нет.

— Теперь я начинаю понимать Хасэ, он тоже мне постоянно твердит купить мобильный. Эх, связаться хотя бы с Акинэ-тян... Хочется услышать мнение специалиста.

— Деловой подход, — насмешливо улыбнулась Марико-сан.

— Нет, я просто... Думаю, как быть. Если в Миуру вселился тот отрицательный мысленный образ, что с ним будет? Нужно его изгонять или нет? И если нужно, то как?

— Правильные вопросы задаешь, — кивнул Сато-сан. Между его бровями пролегла неглубокая морщинка. — Предположим, в Миура-сэнсэя на самом деле вселился злой образ, но обычные люди решат, что он просто странно себя ведет. Твои одноклассники ведь именно так и подумали. А чтобы провести ритуал изгнания, нужно еще получить согласие членов его семьи, а они, не будучи знакомы с такого рода ситуациями, скорее предпочтут традиционное лечение. Даже если оно ничем не поможет.

Слова Сато-сана, учитывая, что он не являлся человеком, проникли, как мне показалось, в самое сердце.

— Вы правы.

Даже будь на месте Акинэ-тян или Рю-сан, это бы не означало, что они немедленно отправились бы без спроса к Миуре.

Рю-сан наравне со спецназовцами со штурмом и стрельбой спасал заложников секты людоедов, но был не вправе помочь обычному школьному учителю.

— Такой уж странный наш мир, — глубокомысленно произнес Поэт, и все присутствующие погрузились в угрюмое молчание.

Хотя не то чтобы я со стопроцентной уверенностью знал, что в Миуру действительно вселился мысленный образ.

— Когда-то очень давно тема одержимости была настоящим бичом. Стоило кому-то плохо себя повести, подраться там, сорваться на ком-нибудь, и его тут же объявляли одержимым и забивали до смерти. Хотя никто в него на самом деле не вселялся. Так называемых «одержимых» сажали в темницы, где они жили до конца жизни. Если кто-то в семье заболел психическим расстройством, всех его родственников чурались, считая их «проклятыми», — задумчиво глядя куда-то вдаль (наверняка в собственными глазами виденное прошлое), рассказал долго живущий Сато-сан. — Но что тогда, что сейчас, эти проблемы по большей части вызваны страхом перед неизведанным, предрассудками и неравенством.

— Я вот глупая, поэтому, если что не так, тоже наверняка испугаюсь, буду держаться предрассудков и относиться к окружающим неодинаково. Поэтому так важно учиться, Юси-кун. Чем больше ты увидишь своими глазами, чем больше услышишь, чем больше прочтешь, тем шире будет твой кругозор, — сказала Марико-сан, глядя на меня непривычно серьезно.

— Хотя, если подумать, толку нынешним людям всерьез изучать привидений и нежить, — легкомысленно усмехнулся Поэт.

— Зато умудряются такие фильмы снимать! Жуть! Видели это лицо Риган-тян?!

Это ощущение собственного бессилия расстраивало меня и раздражало: видеть прямо перед собой трясущееся в страхе из-за фильма ужасов привидение, когда Миура где-то там, возможно, на самом деле страдал, а я ничего не мог с этим поделать.

— Эх... — протяжно выдохнул я и растянулся на полу гостиной.

Я не знал, что предпринять. Возможно, сейчас мудрее всего будет выждать, посмотреть, как сложится дальше.

Вдруг мой взгляд упал на появившихся откуда ни возьмись рядом со мной Бусю и Белу. Оба, не мигая, смотрели на меня.

Постояв так какое-то время, Буся одним быстрым движением запихнул мне в рот недоеденный крокет, что держал в руке.

— Гму-му-му? Мамибо... Мого?!

Я резко сел, даже не из чувства благодарности решившему так меня порадовать (?) Бусе, а потому что больно крокет оказался вкусным.

— С ума сойти! Этот крокет — это что-то невероятное!

Казалось бы, обычный картофельный крокет с добавлением говяжьего фарша, но каким же он был вкусным!

Плотная, но мягкая, точно сбитая венчиком сердцевина буквально таяла на языке!

— Это особые картофельные крокеты от Рури-Рури. Сегодняшний перекус, — сообщил Поэт, погладив Бусю по голове.

— Но корочка все равно хрустит?!

— Они и холодные вкусные. Рурико — настоящая волшебница! Самое оно, когда поздно ночью вдруг перекусить захочется. Разогреешь такой крокет в микроволновке, положишь его на холодный рис, польешь чуток соусом, добавишь ломтиков желтого сладкого такуана — м-м-м, объедение!

Я громко сглотнул.

— Разогреть в микроволновке и на холодный рис?!

— Разогреть на микроволновке и на холодный рис. И добавить желтого сладкого такуана.

Я только-только умял до последней крошки очередной превкусный ужин Рурико-сан, но мне вдруг до смерти захотелось съесть, так сказать, традиционное блюдо бедных студентов, — крокет с рисом. Я бегом бросился в столовую.

— Рурико-сан! Крокеты еще остались? А холодный рис есть? И желтый сладкий такуан?!

— И мне!

— И мне!

Моему примеру последовали нежить и привидение. В этот миг в коридоре зазвенел городской черный телефон.

— Алло, Особняк нежи... Ой, в смысле, общежитие «Котобуки»!♪ А-а, секундочку. Юси-ку-у-ун! Тасиро-тян звонит!

— Тасиро-тян?..

Когда я подошел к телефону, из трубки донесся недовольный голос Тасиро:

— Инаба, купи себе мобильный, а! Я так волновалась, когда звонила, здороваться, просить, чтобы тебя позвали!

— Тасиро? Откуда ты знаешь этот номер?

— Какая разница? Ты мне лучше вот что скажи. Правда, что Миуру увезли в больницу?

— Да, похоже на то.

— А я тут узнала, где он раньше работал!

Видимо, воспользовалась своей личной информационной сетью. Страшно представить, что еще она таким образом может разузнать.

— Ты не поверишь, Инаба! Хотя мне показали фотку, но все равно, его не узнать! Миура был совсем другим! Совершенно нормальным человеком!

— Главный вопрос, как он превратился в сегодняшнего Миуру.

— Тут такое дело, оказывается, раньше он работал в школе для девочек Сираминэ.

— В школе для девочек?!

«Мда», — крикнул я про себя и подумал, можно ли это посчитать за проявление половой дискриминации.

— Сама по себе Сираминэ — школа классная, — продолжала тем временем Тасиро. — У нее высокий рейтинг, сильные спортивные команды. А еще она знаменита своим театральным кружком.

— А-а, тогда неудивительно, что Миура туда работать пошел.

— Да, но корень зла кроется в ученицах Сираминэ.

Как выяснилось, одна из подруг Тасиро по средней школе сейчас там учится.

Сирамине пользуется большой популярностью среди местных девочек среднего школьного возраста. Если ты учишься в Сираминэ, ты по определению умна, но кроме этого школа известна по всей стране сильными секциями по теннису и кюдо, а также хором и театральным кружком. Немало знаменитостей вышло из ее стен, есть чем восхититься.

Но есть и обратная сторона: характерная для практически любой «леди Минэ» (прозвище учениц Сираминэ) спесь.

— Как бы это сказать... Ходят, задрал нос? «Я ведь учусь в самой Сираминэ», и все в таком духе.

— Типа они выше обычной челяди.

— Во-во! Оно самое! Из серии «вы кто вообще такие, это я вот!». Школьную форму носят строго-настрого по всем правилам, только попробуй выйти немножко за рамки — сразу налетят, затопчут.

Другими словами, настолько для них важно чувство принадлежности к званию «учениц Сираминэ».

Подруга Тасиро — девушка умная, поэтому смогла поступить в Сираминэ, но до сих пор не свыклась с местными порядками. Хотя, примерно представляя, какой может быть подруга Тасиро, ничего удивительного. Сложно, наверное, оставаться собой в окружении заносчивых гордячек.

— Так вот, Миура, только-только получив диплом учителя, пошел туда работать. Дело было в позапрошлом году, но ученицы до сих пор между собой его обсуждают.

Что же произошло...

Миура, горящий энтузиазмом и чувством учительского долга, имея за плечами опыт в постановках, был уверен, что сможет многое сделать для театрального кружка школы для девочек Сираминэ.

Но на его пути встали те самые «леди Минэ».

— Миура-то поначалу был... как это сказать... большим активистом? Школа должна быть вот такой, и никак иначе! Нужно стремиться к идеалу! Поддержим мечты и начинания! И все в таком духе. Зная его сейчас, сложно представить, скажи же.

— Но да, есть такие ребята. Да вообще, полно учителей, которые выучились по учебникам, а о настоящей школьной жизни не имеют ни малейшего понятия. Значит, Миура был из таких.

К сожалению, или к ужасу, или совершенно логично, но эта надменность и самоуверенность Миуры не нашли отклика в сердцах леди Минэ.

У леди Минэ есть свои традиции, которыми они гордятся. А теперь представьте, что перед ними вдруг появляется только-только оперившийся себе на уме идеалист, утверждающий, что «надо делать так, а не этак!». Обычные старшеклассницы, может, и подчинились бы или прислушались, все-таки какой-никакой, но учитель, но это не про гордых барышень из Сираминэ.

В их глазах это было все равно, что какой-то непонятно откуда взявшийся самовлюбленный мужлан вторгся в их сад, взлелеянный многолетними традициями и имеющий определенный социальный статус. Да еще этот наглый мальчишка начал пороть всякую пафосную чушь на тему театра и юности, прикрываясь своим положением «старшего» и «учителя».

Сами-то еще совсем девчонки, которым не занимать надменности и гордыни, леди Минэ, что называется, не замечая бревна в собственном глазу, объявили Миуре полномасштабную войну. Если он их о чем-то спрашивал, они молчали, просил о чем-то — не выполняли, и другого рода тотальный «игнор». На уроки его не ходили, если вдруг он случайно к кому-нибудь прикасался, тут же поднимался шум с криками «Гадость!» и «Он меня домогается!».

— Девушки, объединившиеся ради одной цели, — это страшная сила...

— Особенно если это леди Минэ.

Девушки в возрасте средней-старшей школ и так существа сложные. Случается, кое-кто из них отгораживается от всех представителей мужского пола в принципе, как было у меня с моей кузиной Эрико.

А для леди Минэ Миура «посягнул на святое» и заслуживал не просто наказания, но уровня «божественной кары». Страшно представить, чему должен был подвергнуться Миура, чтобы за короткий срок дойти до нынешнего состояния, и раз об этом до сих пор шепчутся в коридорах Сираминэ.

— Он, наверное, даже и не понял, чем вызвал такое отношение...

— Мне сказали, он перестал ходить на работу. Потом в больнице лежал.

— А поправившись, перевелся в Дзёто.

— Что-то не видно, чтобы он действительно поправился.

— Видимо, не до конца. Поэтому и ляпнул про «сдохните, бабы»... — я осекся. Меня вдруг охватило нехорошее предчувствие.

Миура пережил жестокое обращение со стороны девушек. Пусть он сам был в этом виноват, его уверенность, мужское достоинство — все безжалостно растоптали. Когда он пришел в Дзёто, он был опустошен.

— Инаба? Ты чего?

Что если в нашей школе Миуру поджидала «судьбоносная встреча»?

Подсобка, где скопился мысленный образ проклиняющего весь женский род некоего парня, и куда заходят разве что члены театрального кружка или — как Миура — учителя, имеющие какое-то отношение к кружку. Миуре точно было предначертано встретиться с поселившимся там и продолжающим ненавидеть женщин «монстром подсознания».

— Инаба, ты слышишь?

«...начинает искать себе «физическое тело».

«...нечто, не имеющее формы, хочет ее обрести...»

«Если он внутри пуст, то да, совершенно верно».

Миура... Не просто одержим.

«Получается, монстр подсознания ждал физическое тело, в которое бы смог войти?..»

Мысленный образ ненависти к женщинам, и тело, превратившееся в пустую оболочку из-за женщин.

Злополучная, судьбоносная встреча.

— Алло, Инаба!

— Тасиро! Ты сейчас где?

— Я? В кафе перед станцией Дзёин.

— Как домой собираешься добираться? С тобой кто-то еще есть?

— Они поедут на электричке, а я на велосипеде...

На часах уже перевалило за десять вечера.

У меня сердце было не на месте. Казалось бы, совершенно без причины... Но однажды я уже испытывал нечто подобное, когда в прошлом году Тасиро попала в аварию.

— Я иду к тебе! Никуда не уходи, Тасиро!

И я выбежал из особняка.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344806>